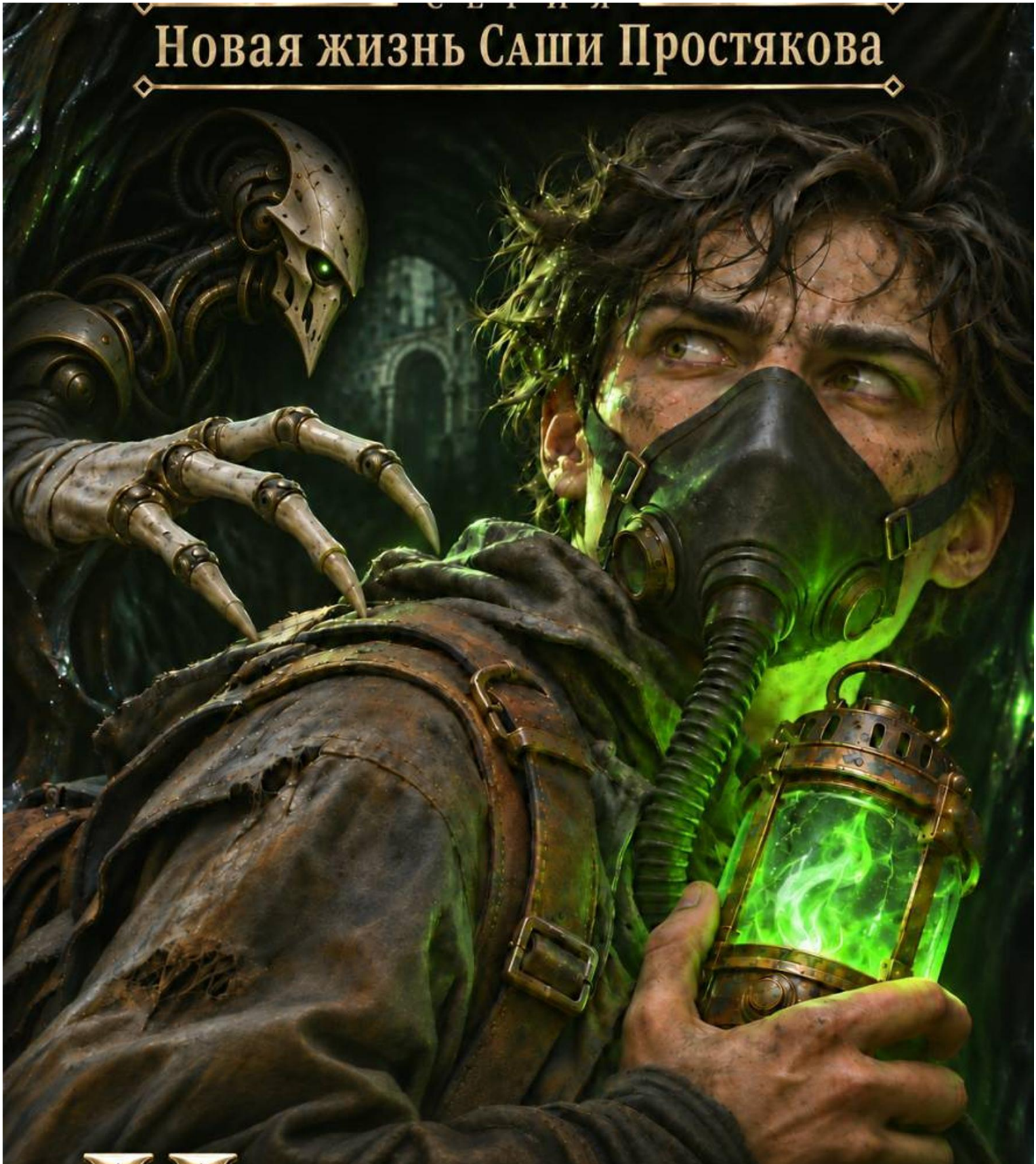
Новая жизнь Саши Простякова

Носитель

Книга 1

Ласковый Звездочёт

Ласковый Звездочёт

Новая жизнь Саши Простякова. Носитель. Книга 1.

«Автор»
2026

Звездочёт Л.

Новая жизнь Саши Простякова. Носитель. Книга 1. /
Л. Звездочёт — «Автор», 2026

Я вызвал огонь на себя, чтобы группа успела уйти. Последнее, что помню, — вспышка.Очнулся в чужом теле, под землёй. На лице маска, за спиной баллон, воздуха осталось на двенадцать минут. В голове незнакомый голос велит бежать к спасательной капсуле. Выяснять, почему я ещё жив и в чьём теле оказался, придётся на бегу.Меня зовут Саша Простяков. Двенадцать лет в разведке кое-чему научили, но к погребённому городу с магическими механизмами и костяными стражами меня не готовили. Здесь до сих пор работают цеха, а из динамиков звучат распоряжения давно умерших людей. Кто-то очень хочет, чтобы я занял своё рабочее место.Мне бы найти выход и узнать, что стало с семьёй. А заодно понять, кто засунул меня в это тело и почему голос в голове знает больше, чем говорит.Есть одна неприятность: наверху за такого собеседника полагается костёр.

© Звездочёт Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1 10
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Ласковый Звездочёт Новая жизнь Саши Простякова. Носитель. Книга 1.

Пролог

Последнее, что я запомнил, — вспышка. Но до неё ещё надо было дожить, а я никак не мог решить, стоит ли.

Я лежал на дне неглубокой воронки носом в сырую глину. Пахло гарью и мокрой землёй. Левая нога почти не слушалась, лежала отдельно от меня и вела себя как чужая. По правому боку растекалось горячее, быстро и без суеты, как вода по скатерти. Я вскрыл перевязочный пакет зубами, как в кино, и впихнул под куртку. Накинул турникет. Пакет промок почти сразу. Ну ладно, подумал я. Значит, ещё есть чему течь.

Это я сейчас так спокойно об этом говорю. Тогда я орал, шипел, плевался матами и кровью. Все как один сплошной кошмар.

Во рту стоял вкус, как у мелочи, будто я полчаса сосал пятаки. Пальцы правой руки перестали отличать мокрое от сухого. Я пошевелил ими, проверяя, и они ответили не сразу, будто два тормоза на галерке в классе.

Замыкающим я ходил двенадцать лет. Привык: последним уходит тот, кто смотрит назад. Долгих двенадцать лет всё было хорошо. А тут на те, здрасьте. Сегодня просто все сошлось. Группа ушла, а я оглянулся на секунду дольше, чем стоило. Как не понос, так золотуха, ну честное слово.

Три дня мы просидели в посадках возле склада, которого по всем бумагам не существовало. Холод и одни и те же три ёлки в оптике. На четвёртое утро склад перестал существовать окончательно, и мы пошли домой. Домой, как водится, напрямую не пускали.

Над полем тонко и нудно пищал дрон, как комар в тёмной комнате. Знаете, того самого комара, которого и не прихлопнуть, и не прогнать. Он летал кругами и искал, на кого сесть. На меня пока не сел: видимо, я лежал достаточно убедительно. Хотя слышал, что где-то метрах в пятидесяти круг еще один. Кружит или ищет кого укусить?

Я поднялся на локте и выглянул. Первая посадка стояла далеко, голая и тихая. Ребята её уже прошли. Я понял это по тишине: так бывает, когда все ушли и никто не остался прикрывать. Дальше тянулась вторая, до неё метров четыреста по открытому полю. Здоровому человеку в хорошем настроении это минута. Мне хватило бы вечности, и закончилась бы она раньше, чем я.

Справа уже шли они. Нужно отдать должное: организованно и хорошо. Я не считал, сколько там идёт. Слышал голоса и короткие, чёткие фразы. Слышал, как они переговариваются, спокойно, без нервов, люди, которые знают, куда идут и зачем или же за кем. Они шли по следу всей группы, и на этом следу стоял только я, ну как стоял, так на полшестого. Лежал, иными словами. Но попадаться таким, как я, негоже. Нужно что-то делать. Прикинув что-куда, решил.

Наверное, я понял это ещё тогда, когда нога подломилась у края воронки. Двенадцать лет в разведке отучили меня считать шансы красивее, чем они есть. Уйти я не мог. Зато мог сделать красивый жест, считай дембельский аккорд. Ведь в каком-то смысле ну чистый дембель. А если еще ребятам подсоблю и они уйдут, так вообще все по красоте получится.

Я подтянул к себе радиостанцию. На корпусе остался красный отпечаток ладони, хоть сейчас в музей. Связь то приходила, то пропадала, и я ловил её, как ловят сигнал на даче: поднимал трубку повыше. Терять-то уже нечего.

– Дед, это Простой. Я в двух сотнях позади вас. Не дойду.

Простой – мой позывной, не заморачивались, по фамилии и взяли.

Эфир шипел. Потом:

– Понял тебя. Лежи, мы возвращаемся.

Дед всегда говорил так, будто диктовал протокол, даже когда горело. Удивительный человек.

– Не надо возвращаться. Сколько вас там, шестеро? Лучше один, чем два. Мне нужен Молот.

Дед промолчал. Через секунду в эфир влез другой голос, молодой и чёткий, как у отличника у доски, образцовый, короче.

– Молот на связи. Простой, слышу плохо. Что у тебя?

– Нужен огонь. Координаты слушай.

Назвал цифры. Голос не дрожал, и это меня почти обидело: мог бы хоть для приличия. Ну или мне казалось, что не дрожал.

– Простой, это твоя позиция, – сказал Молот.

– Я знаю, я же тут лежу, не поверишь.

– По своим не работаем. Требуется вывести тебя из зоны поражения.

– Выводить некому. Не нужно мужиков бросать на ноль. Дед, скажи ему, тут делать нечего, небо грязное. Бармалеи в ста метрах и поджимают.

Пауза вышла длинная. Над полем пискнул дрон, сменил тон, пошёл ниже. От паскуда забугорная.

– Группа вне квадрата, – сказал Дед. Голос у него стал сухой, как бумага. – Подтверждаю.

– Подтверждаю, – сказал я. – По моему квадрату.

Эфир замолчал. Шипение осталось, но за ним молчали. Секунды три, может, четыре. По радио это долго.

– Повтори координаты, – сказал Молот. Голос у него стал тоньше, как у человека, который надеется, что он ослышался, а я ошибся.

Я повторил, медленно, по цифре, чтобы не пришлось в третий раз.

– Саня, ёп твою бога душу мать, ты в своём уме? – влез Леший, и по дыханию было слышно, что он бежит. – Мы вернёмся, слышишь? Не мороси! Двести метров, мы успеем!

– Леший, не вздумай. Ты мне должен восемь тысяч. Считай, прощаю. Расскажешь моей маме, что я был молодцом.

– Мудак ты, Простяков.

– Идите к посадке. Я зря не прошу. По голосам тут пара групп жмут. Такой накат снесет наш набат.

– Принял, – сказал Молот. Он сглотнул, это было слышно даже сквозь треск. – Подлёт девяносто секунд. Простой... Ты как там?

– Лежу. Пилзнер вспоминаю.

– Чего?

– Ничего. Работай.

– Принял, Саша, – сказал Дед.

– Рад был служить с тобой, Дед, да и со всеми вами, парни. Вы лучшие!

За двенадцать лет Дед ни разу не назвал меня по имени. Я хотел ответить что-нибудь умное, но рация зашипела и умерла окончательно. Ну что ж.

Оставалось девяносто секунд и вопрос, как их потратить. Огонь по моему квадрату хорош, если в моём квадрате окажется кто-то ещё. Они шли осторожно, перебежками. Если залягут на подходе, залп накроет пустое поле и меня одного. Значит, нужно, чтобы они пришли.

Я развернулся и пополз к краю на локтях. Метр. Бок орал так, что я перестал его слышать. Плохой знак, зато хорошая экономия. Края зрения темнели, как плохая виньетка на фильтре. Я прикусил щёку, чтобы не уплыть, и проверил автомат: магазин полный, в подсумке ещё один, наполовину пустой. На разговор хватит.

Дал короткую очередь по кустам справа, туда, где шевелились. Потом ещё одну, левее, чтобы казалось, что нас двое. Кто-то выругался высоким голосом, совсем мальчишка. Я почему-то обрадовался: значит, живые и злые. А злые идут быстрее.

Они ответили. Над головой защёлкало, на меня посыпалась земля. Дрон над полем пошёл прямо ко мне. Эх, а я верил, что это наша птичка. Ну ладно.

Я скатился обратно на дно воронки и лёг на спину, как и положено, лицом вверх. Над воронкой висело небо цвета мокрого картона. Где-то за полем поднялся низкий ровный гул, будто огромный шмель собрался в дорогу. Он рос. Я думал, сжиматься нечему: казалось, уже всё, что могло перекусить лом, перекусило. Интересный опыт.

Я думал о ерунде. О бутылке чешского пилзнера в холодильнике, которую берёг к возвращению: золотой, с сухой горчинкой в конце, пить надо холодным, но не ледяным. Сосед этого не поймёт и допьёт из горла. О том, что матери обещал позвонить в воскресенье, а сегодня как раз воскресенье. О супруге и детях не думал. Получается, обманул, не вернулся.

Ребята должны успеть дойти до второй посадки. Пожалуйста! Должны успеть!

Земля под спиной задрожала. Выдохнул.

Удар пришёл откуда-то сбоку. Мир стал белым. Боль вспыхнула сразу везде, такая, что я не успел даже заорать.

Потом наступила темнота. Тёплая, спокойная. Она, как старая тётушка, обняла и повела куда-то. Было так спокойно, что я даже не сопротивлялся…

***

Какие-то странные ощущения. Боли не было. В прошлый раз была, и я рассчитывал, что на этом всё. Теперь под спиной лежал холодный камень, во рту стоял привкус железа, а кто-то настойчиво бубнил мне в голову.

– Вставай. Кислород на исходе. У тебя не больше двенадцати минут, чтобы добраться до спасательной капсулы и заменить баллон с дыхательной смесью.

Голос звучал не в ушах. Он сидел внутри черепа, как сосед за стенкой, только этот сосед говорил тоном старого прапорщика, который в пятый раз объясняет одно и то же. Знаете, такой: усталый и твёрдо уверенный, что вы всё делаете неправильно.

Кровь шумела в ушах. Учитывая случившееся со мной, счёл это добрым знаком. Когда есть шум – есть давление, а давление говорит о том, что есть чему и по чему течь. Хорошо.

Я сел. Руки слушались, ноги тоже. Привычка сработала сама: пальцы пересчитал, потрогал бок там, куда мне тогда прилетело. Гладкая кожа. Ни дырки, ни шрама. Левая нога, которую я в последний раз видел отдельно от себя, сгибалась как положено, удивительно. Заодно обнаружилось, что на костяшке не хватает шрама, который мне подарила колючая проволока лет восемь назад. Но я был совершенно не готов к тому, что будет что-то еще. Казалось, все, кина не будет. А тут вон те раз.

– Ты кто? – спросил я вслух. Вышло сипло.

– Одиннадцать пятьдесят. Вопросы потом.

– Что? Где я?

– В могиле, если не пошевелишься. Левее. Нет, твоя левая. Боже ты мой, не тупи.

На лице сидела маска, от неё к спине шёл гофрированный шланг. Резина пахла старым чердаком. Я завёл руку назад и нащупал баллон: латунь, холодная, вся в насечках, как в письменах. У плеча торчала стеклянная трубка. Внутри плавала зеленоватая жижа, светилась, как аквариум в ночном магазине, и ползла вниз заметно бодрее, чем мне хотелось. Ну что за приколы могут твориться в голове человека, который умирает. Прям как в том фильме про умирающего солдата. Ну ладно, посмотрим, чем закончится.

Встал. Колени хрустнули так, будто я успел состариться. Вокруг был круглый тоннель из чёрного стекла, оплавленного и наплывшего волнами, как донышко бутылки. Под потолком висели дохлые лампы в медных оправах. В одной ещё тлел зелёный огонёк, другая мигала, как заедающая зажигалка. По стенам тянулись угловатые знаки, глубокие, будто их выжгли. Такого письма я не видел ни в одной командировке, а командировок у меня хватало. Воздух стоял сухой и мёртвый, как в музее, который закрыли лет сто назад и забыли предупредить сторожа. Забавно.

– Прямо, до развилки. Там вправо. Бегом, Александр.

Меня так не называли со времён паспортного стола. Ну что-то подсказывало мне, что нужно не выпендриваться, а исполнять.

На бегу считал повороты и запоминал, куда они уходят: дорога назад мне ещё пригодится, наверное. Дышал по привычке, как учили на горных выходах: вдох на четыре шага, выдох на шесть. Скорость терять нельзя, но и падать раньше времени тоже.

И думал, что умирать второй раз, так и не открыв тот пилзнер, как-то совсем глупо. Бутылка небось и сейчас стоит в холодильнике, холодная и нетронутая. Обидно, ей-богу. Ой, говорила мне мама, а я о пенном, кошмар.

– Девять, – сказал голос.

Развилка. Правый коридор был засыпан костями, мелкими и перемешанными, будто их высыпали из мешка. Я прикинул, чьи они, и решил, что вопрос не срочный. Перепрыгнул. Под ногой всё равно хрустнуло. Сделал вид, что не слышал.

Дышать стало тяжело раньше, чем я рассчитывал. Маска присасывалась к лицу, каждый вдох тянулся, как густой кисель через соломинку. Трубка у плеча показывала меньше четверти. В глазах поплыли светлые пятна. Гипоксия и я – старые знакомые, виделись не раз, и она всегда уверяет, что всё в порядке. Верить ей нельзя ни в коем случае, как и красивой девчонке в придорожной кафешке где-то на трассе «Кола».

– Не слушай голову, – сказал голос. – Слушай меня.

– Ты и есть голова. Или в голове. Да кто ты вообще?

– Шутишь. Значит, жить будешь. Шесть.

Тоннель вывалился в зал. Потолок терялся где-то наверху, на полу лежала пыль толщиной в палец. Посередине, в нише, стояла капсула: латунная груша размером с хороший холодильник, с круглой дверью, на которой заклёпок было больше, чем у паровоза. На двери штурвал с теми же насечками. Я навалился на штурвал. Он не шелохнулся.

– Заклинило, – сообщил голос с интонацией человека, который это предвидел.

– Спасибо, капитан, а то я не заметил.

Рядом валялся обломок медного кронштейна от лампы. Я вогнал его в спицу штурвала и повис всем весом. Что-то взвизгнуло, и по залу пошло эхо, как в пустой каменной церкви. Штурвал сдвинулся на ладонь, потом пошёл. Четыре минуты. В голове гудело, уровень в трубке упал до последней риски.

Внутри капсулы на стойке стоял запасной баллон, такой же латунный, но чистый, без единой царапины, и пах маслом, как новый нож. Я сорвал со спины пустой. Клапан сидел на кольце из тех же насечек, и по ним надо было что-то совместить.

– Не те, – сказал голос. – Следующие. Выше. Ещё.

– Я не вижу!

– Потому что ты задыхаешься. Левую руку держи ровно.

Пальцы стали толстыми и чужими, как в варежках. Рука тряслась. Лёгкие жгло. Последний вдох из старого баллона вышел пустым, тонким, как через сито. Я задержал воздух и крутанул кольцо.

Щёлкнуло. Баллон встал на место, трубка у плеча налилась зелёным, и я вдохнул. Воздух пах мятой и грозой, с едва заметной ноткой жжёной резины. Лучшее, чем я дышал за последние двенадцать лет, включая горный воздух и воздух после отбоя тревоги.

– Сорок секунд в запасе, – сказал голос. – Для первого раза недурно.

Я привалился к стенке капсулы. На полированной латуни двери отражался человек в маске. Я поднял руку, и он поднял руку. Лицо над маской принадлежало кому-то другому. Левая бровь целая, а свою я знал: она у меня была рассечена с детства. Я был уверен в этом так же твёрдо, как в собственной фамилии.

– Закрой дверь, – сказал голос. – И не оглядывайся, пока не закроешь.

За спиной, в тоннеле, что-то захрустело по костям. А спину мне обдало таким ужасом, что и описать трудно.

Глава 1

Глава 1. Закрой дверь

Дверь глухо закрылась.

Штурвал изнутри шёл туго, с хрустом, как старая челюсть. Я крутил его двумя руками, пока он не упёрся, и заклёпки-спицы сели в пазы по очереди. Щёлк. Ещё щёлк. Последний вышел громким, как затвор привычного мне АК.

Снаружи заскребли сразу. Такие звуки я слышал впервые, но смог понять: похоже на скрежет костяных когтей по металлу. Это что-то снаружи искало, за что бы зацепиться, но пока не находило. Потом ударили. Один раз, но так сильно, что с потолка посыпалась ржавая труха.

– Теперь можешь оглядываться, – сказал голос.

– На что? В двери ни щёлочки.

– Тогда не оглядывайся, – безразлично ответил голос.

– Интересный у нас с тобой диалог получается, всегда мечтал о таком собеседнике, – сказал я с нескрываемым сарказмом в голосе.

Я сел в кресло. Стоять у двери, которую бьют снаружи, странно и даже немного стрёмно, что ли, а кресло хотя бы делало вид, что оно для сидения. Этим показным свойством этого предмета я и решил воспользоваться.

Внутри было тесно, как в кабине грузовика, только пахло хуже: горячим маслом и палёной латунью. Кресло стояло посередине, одно, с ремнями будто бы на все случаи жизни: как пятиточечный ремень, только навороченный какой-то. Перед креслом пульт, весь в насечках, тех же угловатых, что на баллоне, только мельче. Я провёл по ним пальцем. Насечки складывались в ряды, как строки без букв: чем дольше смотришь, тем меньше понятно. Над пультом шла узкая полка с круглыми гнёздами под какие-то колбы, все пустые, только в одном поблёскивал осколок стекла. Трогать его я не стал. Сбоку железная решётка, а за ней что-то, от чего тянуло жаром, как от печки в бане, когда на неё плеснули полчерпака. Пустой баллон, который я сорвал со спины у стойки, катался по полу и звенел о ножку кресла при каждом ударе. Я задвинул его ногой под сиденье. С глаз долой – из сердца вон.

Ремни у кресла были широкие, матерчатые, с латунными пряжками, и пахли складским брезентом. Один свисал до пола, как язык. Пристёгиваться я не стал: если придётся выскакивать, мне не нужны лишние преграды.

По звуку я пытался прикинуть, с кем имею дело. Скрежет костяной, острый. Удар глухой, с проседающим концом, как мешок с песком швыряют на доски. Центнер, не меньше. Ходить оно могло хоть на двух ногах, хоть на четырёх, звук этого не уточнял. Воображение рисовало и восьминогих тварей, но я решил не перегибать палку и остановиться на возможных двух- или четырёхногих созданиях.

Удары шли с паузами, секунд по двадцать. Монотонно. Такое упорство я уважаю, но издали.

Дверь я оценил по-хозяйски. Толстая, на заклёпках, петли снаружи, изнутри только ось штурвала. Бить в такую можно долго. Вопрос в том, кто кончится раньше: дверь, существо за ней или я. По очкам пока вела дверь.

– Один, – сказал голос. – Снаружи. Стоит.

– Откуда знаешь?

– Чувствую привязку.

– Чью?

Он промолчал. Видимо, вопрос из тех, что потом.

Ну что ж, потом наступило. Дверь закрыта, воздух идёт ровно, вопросов накопилось на полтетради. Начать решил с самого главного.

– Ты кто?

– Сопровождение.

– Это должность? Звание? Имя? Имя есть?

Пауза вышла длиннее, чем на «сопровождение». Снаружи опять поскребли, лениво, как кошка в дверь, когда уже наделала дел и к лотку не так уж и нужно.

– Ари. Называй меня Ари, – сказал голос.

Я покатал слово во рту. На позывной тянет. Забавно даже. На кличку тоже: у соседа по площадке так звали таксу. Решил, что позывной: с человеком, у которого позывной, мне проще, чем с тем, у кого кличка. Голос при этом остался голосом прапорщика. Такому подошёл бы Петрович.

– Может, ты Петрович? – с ухмылкой спросил я.

– Ари. Называй меня Ари, – все тем же невозмутимым тоном ответил он.

– Саша, меня зовут Саша, – сказал я.

– Знаю.

Вот и познакомились. Хотя я подозревал, что он знал меня, я его – нет, зато теперь у него было имя, и ругаться можно будет по-человечески. Так сказать, уважить тёплым словом нового «друга».

– Ты слышишь, если я просто думаю в твою сторону?

– Слышу, что ты говоришь.

– Понял, – с явным недоверием в голосе сказал я.

– Как удобно.

Сухая ирония, или мне показалось. Ари на шутки не отвечал и сам, похоже, их не производил.

Голос шёл из середины головы и громкости не менял. Ни когда эта тварь снаружи била в дверь, ни когда я нёс ерунду. Ровный, словно несущая частота: слышно всегда, а живой там кто или аппаратура, не разберёшь. Старшина у нас был такой же. Тот, правда, матерился, а этот нет. Но в текущей ситуации старый добрый мат услышать я был бы рад, а не вот этот ровный тон.

Про пилзнер думалось само, говорила мне мама, что так и алкашом можно стать. Бутылка в холодильнике теперь простоит дольше, чем я рассчитывал, а насколько дольше, никто мне не скажет. Пилзнер – штука терпеливая: в тёмном и холодном ему что месяц, что два, лишь бы не трясти и не греть. Золото в стакане под плотной белой шапкой, горечь сухая, чистая, не лезет в нос и уходит ровно тогда, когда пора делать следующий глоток. Идеальный напиток для человека, который умеет ждать. Беда в том, что сосед по комнате у меня существо нетерпеливое.

Я поймал себя на том, что дышу в такт ударам, и сбил ритм нарочно: вдох на четыре счёта, выдох на шесть. Маска к лицу присасывалась послушнее. Мысль о бутылке при этом никуда не делась, сидела тихо, как кот на подоконнике.

Кресло под рукой было тёплым. Я заметил это не сразу. И это мне не понравилось, невнимательность убивает в таких ситуациях.

Снаружи ударили снова. Все мысли про ледяное пенное мигом вылетели из головы.

– Узел за решёткой греется, – сказал Ари. – Уплотнения повреждены.

Я посмотрел на решётку. Краска на ней пошла пузырями. Запахло жареным. Резиновое кольцо вокруг двери потрескалось и осыпалось крошкой, как сухарь.

– Это плохо?

– Пока капсула горячая, он не уйдёт. Для него это опасный участок. Он выгоняет живых.

– Живых? А я, выходит, живой? Что это за безобразие-то такое?

– Ты живой. Успокойся.

Ох и не нравится мне все это. Этот Ари, который говорит, как не пойми что.

– Решётка. Два болта. Потом левый рычаг на пульте, вниз до упора, – сказал Ари.

– Что это за зверь у меня за дверью?

– Страж оцепления.

– Страж оцепления? Что это за приколы-то такие?

– Страж оцепления – это устройство, – невозмутимо продолжил Ари.

Устройство, ага. Устройства обычно не скребут по двери с таким настроением. Но спорить я не стал: у меня за спиной разгоралась печка, и разговор о природе вещёй можно было отложить. Все же не хочу я из разговоров о природе вещёй перейти к шашлыку на природе, где в роли шашлыка я.

Я приложил ладонь к борту у решётки и тут же отдёрнул: латунь жгла, но я тот ещё гений после смерти, сразу-то так и не поймешь, везде нужно свои ручёнки поприкладывать. Но нужно как-то оценивать нагрев. Потрогал ещё раз, на секунду, и стал считать. К пятой секунде терпеть было нельзя. Это было важно для того, чтобы понять, когда же начнется наше барбекью. Говорил Ари коротко, по одному действию за раз, как диктуют по рации под обстрелом. Мне нравилось: так проще выполнять и труднее спорить, да и привычнее.

Болты сидели на шлицах, голыми пальцами их не взять. Под креслом нашёлся ящик на защёлке, а в нём аварийный набор: светильник со стеклянной колбой, внутри которой тлел зелёный огонёк, нож в чехле, фляга, перевязочный пакет в вощёной бумаге. Я забрал всё. Мало ли что мне понадобится в этом, похоже, Богом забытом месте.

Нож был хороший. Цельный, один из тех, что покупают раз и на всю жизнь. Надеюсь, что на долгую жизнь. Рукоять оказалась чуть уже, чем хотелось бы. Я проверил лезвие о ноготь большого пальца. Нож оказался невероятно острым. Потряс флягу – полная. Пить в маске нельзя, язык и так прилип к нёбу, но с этим можно было потерпеть. Повесил на пояс. На каждой вещи стоял один и тот же тиснёный знак, мелкий, с ноготь: у основания светильника, на чехле, на крышке фляги, на бумаге пакета. Разглядеть его в деталях при зелёном свете не представлялось возможным. Но для себя я отметил, что знак везде одинаковый.

Светильник я попробовал использовать сразу. Колбу надо было повернуть на четверть, и огонёк прибавил, ровный, не мерцал. Тени от ремней легли на стену длинные и косые, и тесная капсула вдруг показалась обжитой, как кладовка, в которой я прятался в детстве.

Кончик ножа вошёл в шлицы как родной. Решётка слетела, и жар шибанул в лицо, как из духовки, в которой забыли пирог по имени Саша. Под маской сразу побежал пот. Резина пахла старым чердаком, но с каждым вдохом пахла всё привычнее. Человек – удивительная тварь, ко всему привыкает. Хотя человек ли я теперь? За решёткой стоял медный цилиндр, потемневший до цвета крепкого чая, и от него тянуло так, что брови мои, будь они мои, закрутились бы в калачики. Сбоку у цилиндра две заслонки, прям как жабры у рыбы. Цилиндр гудел низко, на одной ноте, как трансформаторная будка у нас во дворе. Гудит словно трансформатор, который работает на пределе. Внутри этой штуковины булькало масло, так мне показалось. А я всё больше и больше не мог понять, явь это или предсмертный сон и я все ещё лежу там, на поле, под ударом арты. Вот же интересный мир, только подумаешь, что знаешь продолжение, а тут бац и все. Ну точно «хочешь рассмешить Бога, скажи старшине про свои планы», все же насколько мудрыми были старшие товарищи преподаватели в академии, столько лет прошло, а все эти тупые присказки всё ещё актуальны. Даже в другом мире.

Левый рычаг на пульте пошёл легко, где-то в стене что-то вздохнуло. Правый, который Ари назвал следом, встал на полпути.

– Вниз до упора.

– Он и так до упора. Дальше не идёт, – зло сказал я.

– Значит, заслонка закрылась.

– Точно? Давай проверим?

Снаружи грохнуло, и цилиндр ответил гулом, как колокол, по которому стукнули ложкой размером с автобус. От такого я присел, казалось, что у меня просто парад тупых идей и ситуаций. Потом полез смотреть.

– Ну а почему нет, если да, – сказал я сам себе.

Левая жабра встала на место. Правая сидела криво: верхний угол заехал за раму на палец, и из-под него тянулась чёрная струйка масла, уже дымящая. Вот откуда этот противный запах. Масло тут горело. Неволей вспомнил рассказы на истории войны в академии, где рассказывали и показывали ожоги от применения кипящего масла.

– Ну, Саша, ну молодец. Мало тебе приключений, давай теперь вспомним весь трындец, который ты видел и изучал. Умеешь ты найти время. Где ты и машинное масло, почти в нужной кондиции, – начал я диалог с самим собой.

– Правая перекошена, – сказал я. – Угол за раму заехал. Масло течёт и горит.

– На схеме закрыта, – сказал Ари.

– На схеме, может, и закрыта. Но тут нет.

– Схема показывает, как должно быть.

– Это я знаю, – зло буркнул я.

Ари промолчал. Я сунул лезвие в зазор между заслонкой и рамой, упёрся и качнул. Заслонка скрипнула и осталась на месте. Тогда я перехватил нож за клинок, рукоятью подбил угол, раз, второй, как гвоздь, и навалился плечом. Железо взвизгнуло и встало в паз. Рычаг на пульте сам просел до конца и звякнул об упор.

Тянуть жаром стало заметно меньше. Хотя, может, мне так хотелось. А мне так точно хотелось.

– Принято, – сказал Ари.

Я подождал, не добавит ли он «молодец». Не добавил. Негодяй воображаемый.

– Узел остывает, – сказал он. – Очиститель воздуха повреждён, уплотнения тоже. Капсула даст нам возможность находиться в ней какое-то время. Но долго в ней оставаться не получится.

– Сколько времени у нас есть? У меня есть, – спросил я.

– Пока он не уйдёт. Потом выходишь.

– Он – это то нечто, которое с другой стороны? Все не пойму, ты прикалываешься или издеваешься.

– Всё верно, – всё так же монотонно сказал Ари.

– Гостеприимный ты, Ари.

Ответа не последовало. Понятно.

Печка за решёткой остывала, духота отступала, а на её место приходила усталость, обычная, человеческая, из тех, что накатывает после сильного умственного и физического перенапряжения. Я прислушался к себе, на сколько меня хватит. Кажется, ненадолго.

Пока остывало, я осматривал себя заново. Колени подрагивали: то ли от жара, то ли оттого, что двенадцать минут бега в чужом теле похожи на поездку на чужой машине. Вроде всё как у тебя, а поворот не вписываешь. Бок и ногу проверил ещё в тоннеле, это понятно. Теперь смотрел на то, что на бегу в голову не лезло.

Руки. Руки оказались тоньше моих и легче: пальцы поуже, на ладонях ни одной мозоли, а у меня руки были прям видавшие виды. Ногти чистые, как у человека, который ничего тяжелее ложки не поднимал. На левом запястье нет белой полоски от ремешка, хотя часы я не снимал лет десять. Я провёл пальцем по подбородку под краем маски. Гладко. Четыре дня в посадках, щетина у меня была такая, что хоть в театр не ходи, а теперь будто час назад побрили. Я чертыхнулся вполголоса, для проверки, и голос в маске вышел чуть выше, чем привык. На тон, не больше.

Плечи. Я повёл ими, и они пошли свободнее, чем положено: лопатки ходили как на смазке. Рост, кажется, почти тот же, макушкой я по-прежнему упирался в низкий потолок капсулы. А вес другой. Тело было лёгким и сухим, как после долгой болезни, когда мышцы ещё помнят, а мяса уже нет. Вот только болезни я не помнил.

– Блестяще, – буркнул я.

Ещё на мне была роба из серой плотной ткани, пахнущая складом. Тоже не моя. Левый рукав выше локтя выдран, нитки торчат словно бахрома. Дыру я заметил, подумал: ну дыра, не последняя. И выбросил из головы. Тряпки потом.

Ощущение было такое, будто после пожара на складе мне выдали чужую форму. Всё по размеру, пуговицы на месте, сидит нормально. Только чужая. Чужая форма всегда жмёт где-нибудь в неожиданном месте. Эта не жала нигде, и в этом сидела подлость: придраться не к чему. Хотя всё же проверил. Все на месте, конечно, тоже не моё, но все же этот сюрприз мне судьба решила не преподносить. За что ей большое спасибо.

Узел остывал с щелчками, как двигатель после долгой дороги. Тик. Тик. Потом реже. Скрежет за дверью стих раньше, и в капсуле стало слышно, как я дышу. Громко, оказывается. Дышал я часто. Перевёл на тот же счёт, четыре и шесть, и маска перестала присасываться.

Я считал. Так считал бы смену часового: сколько от последнего щелчка в решётке до первого шага снаружи. Вышло девять секунд и ещё немного. Для часового срок немалый: за такое время успеваешь передумать. Шёл ровно, без остановок.

Шаги были тяжёлые и неровные, с припаданием, будто тот, кто их делал, плохо дружил с собственными ногами. Они отошли от двери, пересекли зал, потом хрустнуло по костям в коридоре, и хруст пошёл дальше, потише, потом совсем тихо. Я слушал, пока не перестал различать, что слышу, а что дорисовываю.

Ари молчал. Молчал он, как радист, у которого эфир занят чужими. Я не стал лезть с вопросами: пусть договорит то, что себе договаривает.

– Привязка отошла, – сказал он наконец. – Далеко.

– Привязка? Далеко это сколько?

– Дальше развилки.

Развилку я помнил. Далеко, как и сказано.

В узле за решёткой хрустнуло ещё раз, коротко, и я замер с поднятой рукой, как на посту.

– Обшивка остывает, – сказал Ари.

– Знаю.

– Ты замер.

– Привычка.

– Я так и понял. – В голосе Ари промелькнули ноты усмешки.

Он умеет менять интонацию голоса? Или показалось? На это Ари ничего не добавил, и я решил считать это одобрением.

– Выходишь? – спросил Ари.

– Жду.

– Он ушёл.

– Ушёл. Но уходят не всегда насовсем, – всё ещё опасливо сказал я.

Ари спорить не стал. Я придвинулся к двери и прислушался. От латуни ещё шло тепло, но теперь к ней можно было приложить ухо. С той стороны капало. Где-то далеко упала мелочь, камешек или что там могло сыпаться в коридоре. Шагов не было.

Досчитал до ста двадцати. По дороге дважды сбился, потому что начинал прислушиваться к собственному дыханию. Ох и хорошо я здесь устроился. Сижу, караулю дверь, а караулить, возможно, уже и некого.

– Ещё чувствуешь его?

– Дальше ушёл. У двери пусто.

– Пусто или ты никого не чувствуешь?

Ари ответил через паузу.

– Не чувствую.

Вот так бы сразу. Снаружи могло сидеть что угодно, и об этом мне предстояло узнать самому. Зато насчёт первого я кое-что запомнил. Узел остыл, страж ушёл. Может, Ари прав и ему действительно больше нечего тут делать. В следующий раз посмотрим. Хотя лучше бы без следующего раза.

Поправил маску и проверил трубку у плеча. Зелень ещё стояла высоко. Фляга при наклоне стукнула о кресло. Перетянул её ближе к животу и поставил светильник у порога, чтобы первым за дверь вышел свет. Если дежурный там остался, пусть сперва полюбуется на огонёк. Меня увидеть ещё успеет.

Штурвал пришлось придерживать, пока запоры один за другим выходили из пазов. Последний заело. Я уже приготовился навалиться всем весом, а он вдруг уступил, и рука пролетела мимо спицы. Хорошо хоть пальцы убрал.

– Ну, была не была, – сказал я.

Открыл дверь.

***

Из зала потянуло холодом. По шее под воротом прошлось так приятно, что захотелось постоять. Постоял. Оставил одну ногу на пороге, поднял светильник и посветил туда, где недавно скреблось. На двери были свежие борозды. Внизу одна короткая, будто коготь сорвался. А на полу ничего путного я не разобрал. Пыль от коридора до капсулы втоптали в серую кашу. Тут и я отметился, когда бежал к баллону.

Никто ко мне не полез. Выбрался и притворил дверь, оставив щель в два пальца. Внутри дышать без маски всё равно нельзя, но если что, есть куда сунуться. Я ещё потрогал штурвал снаружи, чтобы потом на бегу не искать, в какую сторону крутить. На бегу у меня сегодня всё получается с первого раза. Кроме того, что не получается вообще.

На уровне плеча светильник брал до ближней стены. Поднял его и увидел над капсулой кусок свода с рваным краем. Дальше вверх шла темнота, а из неё тонкой струйкой сыпался песок. На полу под проломом лежала земля, тёмная от сырости. Из комка торчал корешок. Рядом, куда осыпь не достала, пыль лежала ровно, хоть линейку клади.

Повернулся к капсуле. На бегу она показалась мне чуть ли не прибранной, стоит себе в нише и ждёт. Теперь видно было, что груша сидит криво. С одного бока плиты вдавило, с другого край пола поднялся. Выше по стене трещина прошла через выжженный знак. Если это у них обычная парковка, я бы не хотел смотреть, что они считают аварией.

– Сверху пришла? – спросил я.

– Похоже.

– Я про капсулу, если что.

– Я тоже.

Ну, хоть тут мы друг друга поняли. Капсула сверху, я очнулся в другом коридоре. Вот этого пока не понял.

Обошёл её справа и в одном месте чуть не зацепил коленом железку. Посветил. Из борта торчала какая-то рама с дугами, одна погнута, другая разошлась на шарнире. Между ними провисла широкая лента, по виду такая же, как ремни в кресле. На зацепе у нижней дуги висел лоскут.

Серый. Ткань плотная, по краю длинная нитка.

Снял лоскут с зацепа и поднёс к дыре на рукаве. Приложился зубчик в зубчик. Даже нитка нашла, откуда её выдрали. Вот тебе и тряпки потом.

– Ари, это моё.

– Вижу.

– А я, получается, тут уже был?

Он не ответил. Я посветил под раму. От двух её опор в пыли остались вмятины. Чуть дальше ещё такие же. В одном месте цепочка вмятин переходила в борозду, которая огибала

треснувшую плиту. След шёл к арке сбоку от зала. Под аркой теперь лежала порода до самого верха.

Подошёл на пару шагов. Ближе не полез, сверху до сих пор осыпалось. На краю завала нашёл тот же след, только наполовину под камнями. В щели между ними шевельнулась пыль. Оттуда тянуло холодом.

Я прикинул, где очнулся. Когда бежал, там в начале тоннеля всё время забирало влево, а потом пришлось возвращаться правее. Если провести отсюда через арку прямо, как раз выходило в ту сторону. Метров я бы не назвал. На бегу, когда тебе сообщают, что кислород кончается, я шаги не считал. Дурацкая привычка, оказывается, иногда всё-таки выключается.

– Что за рама? – спросил я.

– Аварийное извлечение. Штатно.

– Штатно? У меня рукав на ней остался.

– Рука цела.

Посмотрел на локоть. Цела. Тут крыть нечем.

Выходило, что меня вынули из кресла и перетащили через эту арку. Потом проход завалило. Я очнулся с другой стороны, короткой дороги уже не было, и Ари погнал меня в обход, за баллоном. К той же самой капсуле. Красиво. Обежал квартал, чтобы зайти к себе через парадную.

Про то, как оказался в кресле, рама мне ничего рассказать не могла. Можно, конечно, было потрясти Ари, если бы нашёл, за что. Но ответ на этот вопрос ещё предстояло заработать. Или услышать, когда он сам сочтёт нужным. С ним пока вообще непонятно было, что из этого быстрее.

Вернулся к коридору, откуда прибежал. По стене там шли знакомые чёрные наплывы. Поднёс светильник ближе. На стекле лежала пыль, в самых глубоких складках её было столько, что я не сразу разглядел край металлической оправы. Лампу прикрутили поверх наплыва. Сначала расплавилось, потом кто-то пришёл с инструментами и повесил свет. Моя посадка тут ни при чём.

– Это давно, – сказал Ари.

– Вижу. А дыра в потолке моя?

– Свежая.

Опять ответил ровно настолько, насколько его устроило. Ладно. С дырой я и сам разобрался.

За поворотом показались кости. В первый раз я смотрел, куда поставить ногу, и думал, что их кто-то сюда вывалил. Теперь посветил на стену. Там шли ниши в два ряда. Ближние плиты вышибло, дальше несколько остались целыми. Трещина тянулась от зала и постепенно сходила на нет. Сколы на полу такие же светлые, как под проломом.

Возле одной плиты лежала кость с суставом. Из соседней ниши высунулось что-то мелкое, разглядывать не захотелось. Я снял ногу с обломка и поставил туда, где пол был чистый. Тут ведь до меня всё лежало на своих местах. Кто-то когда-то укладывал этих людей и закрывал плиты. Потом я прилетел, и вот, пожалуйста, у одного череп укатился под стену.

– Саша, – позвал Ари.

– Сейчас. Куда дальше?

– За поворот.

– Там тихо?

Он не успел ответить. За дальней плитой щёлкнуло, сухо и близко. Я повернул светильник. Плита на месте, только в краю щель. Из неё показалась одна тусклая точка, а рядом ещё одна. Обе на высоте лица. Я сразу подумал про глаза. Вот только за плитой, если тут такой же порядок, как в соседних нишах, глазам давно полагалось истлеть.

Я попятился. Каблук нащупал кость, и она с треском поехала по полу.

– Ари, ты говорил, он ушёл.
– Тот ушёл.
В нише снова щёлкнуло. В этот раз я увидел, как шевельнулась пыль на краю плиты.
– Склепы спали, – сказал Ари. – Теперь нет.
– Какие склепы? Что значит спали?
– Теперь склепы не спят.
– Чтобы тебе всю жизнь так есть давали, как ты отвечаешь, – зло выругался я.
Две точки в нише моргнули. Ну вот этого ещё мне не хватало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.